

Наталья

КРАСАВЦЕВА

г. Петрозаводск

И ЖИЗНЬ, И СМЕРТЬ, И ЧЬИ-ТО ПЕВНИ...

Основано на реальных событиях

Из Белоруссии в Карелию пятнадцатилетняя Любава с мамой прибыли в 1949 году из некогда красивой деревни Малое Морозово Горецкого района Могилевской области. В этой деревне Любава родилась, а когда ей исполнилось девять лет, распрощалась с детством – 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Первой приняла удар Белорусская Советская Социалистическая Республика, так тогда называлась родина Любавы. В последних числах июля был оккупирован Могилев, еще раньше весь Горецкий район. Население, оставшееся без мужчин, ушедших на фронт, принудили работать на захватчиков. Женщины, дети да старики с утра до ночи не выходили за пределы своих предприятий, а сельчане трудились на полях и бывших колхозных фермах – заготавливали торф, лес, строили оборонительные сооружения. Все было отлажено у немцев четко: ни один человек не остался неучтенным. Плодились гетто и концлагеря. Но молодежь, не достигшая призывного возраста, все равно стремилась как-то объединиться, решаясь порой на рискованные поступки. Вот и мальчик-подросток из Морозова, не сказав ни слова родителям, отправился в соседнюю деревню. По словам ровесников, он все продумал. Если попадетя немцам, то скажет, будто пошел навестить двоюродную сестру. А на самом деле надеялся встретиться со знакомы-

ми ребятами, ходили слухи, что они собирались создать подпольную молодежную организацию. Но немецкое начальство уже слышало о партизанах, появившихся в Белоруссии буквально с первых дней войны. Мальчишку схватили, арестовали сестру, ее родителей, и всех повесили. На показательную казнь согнали народ. Почти до осени не снимали с виселиц почерневшие трупы. Ветер колыхал на них рваное тряпье, бывшее ранее одеждой. Жуткое устрашающее зрелище.

Школу к тому времени закрыли, и Любаве казалось, что не было у нее никогда счастливого детства, а родители не мечтали о младшем братике. В избе воцарилась тишина, мама, бабушка, бабушка почти не разговаривали. Уже давно гнездились все в тесной комнатке, дом был отобран вместе с домашними припасами, а с приходом холодов забрали и теплую одежду. Старики да больные стали умирать. Осталась без бабушки и Любава. А во вторую зиму узнали, что погиб глава семьи. Далеко от родины схоронен.

– Никогда теперь не найти мне его могилы, – шептала мама.

Оккупантам тоже спокойно не жилось. Уже два года не давали покоя партизаны. Наконец в начале лета 43-го высокое немецкое начальство объявило, что пора готовить рабов к отправке в Германию. Не

хотелось верить. Как ни тяжело, а все-таки на своей земле существовали. Но вот уже по широкому шляху погнали людей со Смоленщины. Приуныло Малое Морозово. Каждый знал, что ждет всех в Германии. Вскоре пришел приказ погрузиться на подводу и к назначенному времени прибыть на главную дорогу, где уже были сформированы немецкие сопровожающие. Утром огромная колонна, состоявшая из жителей многих деревень, двинулась в путь. Истощенные на непосильной работе люди, их полуголодные дети и оставшиеся в живых старики передвигались с великим трудом. Вокруг слышались окрики, ругань и звуки ударов плетьюми. Обессилевших пристреливали. Но так уж сложилась судьба жителей Морозова, что собрались в этой деревне то ли удачливые, то ли смелые люди. Они всерьез мечтали о невероятном – побеге.

* * *

Однажды, когда в очередной раз охранники присматривали место для ночлега, послышалась стрельба. Немцы растерялись, как найти под обстрелом партизан подходящее место в непролазном сумеречном лесу? Можно и с жизнью расстаться, не дождавшись победы над этим сбродом из славян да евреев, которые и годятся-то лишь для черной работы. Быстро темнело, и пока немцы решали, что делать, жители Морозова спустились в огромный овраг вместе с подводами. Сразу их искать не стали, не до них было. А люди в овраге затаились, кое-кто уже подумывал, как бы незаметно к утру выйти к партизанам. Однако остановка в пути затянулась. Вокруг начались бои, надолго отодвинувшие движение колонны. Деревенские жили под вой снарядов: с одной стороны враги, с другой партизаны. Погибнуть могли и от своих, и от чужих. Немцы поиском пропавших морозовцев пока не занимались. Во-первых, надо было сохранить тех, кто был на виду, и доставить их на место. Во-вторых, зачем вообще кого-то искать? Когда истощатся силы партизан, они уйдут, не дождавшись подкрепления со стороны фронтовиков, к тому же весь шлях был уже под надзором. Вот тогда пропавших и накажут, вернут в общую колонну.

Партизаны к тому времени догадывались о том, что овраг не пустует, но отбить этот участок земли пока не удавалось. Силы действительно были на исходе.

– Провели мы в овраге не один день и не одну ночь, – рассказывала Любава уже после войны, когда обжилась и работала в Карелии. – Помню, как выскочила за своей малышкой на дорогу молодая наша сельчанка. Тут же разорвался снаряд. Ее дев-

чонку ранило, мать землей засыпало, так и осталась глухой. А взрослые тогда собрание устроили, и мы, ребята, возле них пристроились. От нас ничего и не скрывали. И вот дедушка наш, ставший главным, сказал, что надо поторапливаться, потому что не будет стоять колонна на шляху до самой осени. И что надо бы хоть примерно дорогу разведать. Первыми тогда отважились три девушки. Ведра с собой прихватили, как будто за водой пошли. Как из оврага вышли, одну застрелили сразу, другую ранили, третья вернулась ни с чем, но невредимая.

Заменить Любавиного дедушку было некем, он после неудачной вылазки объяснил землякам, что партизаны хотя и ослабели, но все равно мешают дальнейшему продвижению колонны, а немецкое начальство такого не допустит, потому что скоро осень. Он предположил, что решительная схватка, должно быть, впереди и ею надо будет воспользоваться. И действительно, еще один бой показал, что отступление партизан неизбежно и что никакой овраг теперь не спасет от немецкого плена или наказания. Когда стрельба затихла, стал доноситься шум со стороны колонны, немцы явно собирали людей для дальнейшего пути в Германию. Дождавшись сумерек, под покровом надвигавшейся ночи морозовцы тоже стали собираться, быть может, в свой последний поход. Спасение было только в лесу, в противоположной стороне от формировавшейся заново колонны. Будут искать немцы морозовцев или нет, никто не знал. Хотя дедушка предположил, что не будут. «Лето к концу, – рассудил он, – решат, что мы хоть в овраге сгинем, а хоть и в лесу. Ну, и отчитаются о нас потом как о расстрелянных или умерших от болезней».

Чуть рассвело, двинулись деревенские по лесной дороге подалее от шляха. Узкая лесная тропа стала для них дорогой жизни. Близ нее, в лесу, похоронили девочку, выбежавшую на дорогу. Не всех людей к тому времени удалось сохранить, а подвод осталось только две. По очереди то шли пешком, давая отдых измученным лошадям, то сажали на них больных и уцелевших детей. Долгий путь проходил мимо белорусских деревенок, но никто не решался дать приют, боялись немцев. Везде пахло гарью, это был запах войны. Однако потихоньку с оглядкой местные начали подкармливать хлебом, где-то даже молоком. Путешественники повеселили. Ночевали в лесу, а днем упрямо продвигались вперед, хотя толком не знали, где фронт и где теперь партизаны. Как-то ранним утром обнаружили снег вокруг, приуныли, но тут, как говорится, повезло. «Не иначе Бог помог!» – решил дедушка. В большом поселке, отбитом партизанами, нашли приют. Всех поселили в клубе.

Время от времени Любава вспоминала свое безрадостное детство и при подходящем случае, когда новые карельские соседи расспрашивали ее об удивительном побеге от немцев, делилась воспоминаниями:

– В этом клубе, – рассказывала она, – уже до нас разместили других беженцев, которые, как и мы, прятались в лесах от немцев. Нам досталось жилье прямо посреди сцены, углы все заняты оказались. Уж до чего мы рады были: обогрелись, даже помылись, общая лохань в клубе нашлась. В лесу боялись костры разжигать, а в клубе ожили, пили горячий чай, и провели мы на этой сцене всю зиму, потому что местное начальство пока не получало указаний – можно покидать это село или нет. Прозвали нас тогда «артистами», а мама радовалась, что я почти не болела, ведь умирали дети.

Когда повеяло теплом, пошли слухи о неизбежной победе, у морозовцев возродились мечты о покинутой деревне. Однако село, где пережили зиму, располагалось на пересечении больших дорог. По дороге домой еще оставались занятые врагом территории. Вот оттуда красноармейцы и гнали немцев. Здесь партизаны уже держали связь с фронтовиками, поэтому смогли сообщить о приближающейся схватке с отступавшими фашистами.

Народ побежал в лес. «Мы с мамой и дедушкой успели забраться под корень большого дерева», – вспоминала Любава. Бой был страшным. Когда наступила тишина, люди вышли из укрытий и увидели дымящееся поле с погибшими. Убитых в бою партизан, наших солдат и врагов похоронили в одной общей могиле, она стала местом примирения для освободителей и для захватчиков, посягнувших на чужую землю. Снова вернулись в клуб и стали дожидаться распоряжений местного начальства. Ждали недолго, вскоре объявлено было, что можно отправляться домой, дорога свободна. Стояла весна 44-го. Пришла долгожданная весть – Горецкий район полностью освобожден от оккупантов. Морозовцы отправились в путь. Осталась к тому времени одна лошадка, другая пала. Живую берегли, поэтому все продвигались пешком.

* * *

И вот, наконец, родные края. Так сказали взрослые, когда все вышли из леса на знакомое широкое поле. Только пахло здесь не луговыми цветами и травами, а ставшей уже привычной гарью. На земле повсюду – догоравшие угли, от которых едва стелились тонкие сизые дымки.

– А где же наша деревня? – спросила растерянная Любава маму.

– Выходит, нет теперь ее, сожгли враги проклятые, – сдерживая слезы, ответила мама. – Как жить-то будем?..

Погоревали, поплакали и принялись уже бывшие теперь морозовцы за поиски уцелевших подвалов и блиндажей. Начали рыть землянки. Остался цел подвал дома, где раньше жила семья Любавы.

– Иди-ка, внучка, собери сколько можешь старых досок да кирпичей, будем печку складывать, помогать будешь, – сказал Любаве дедушка. – А мать пускай пока у нас хозяйничает, как сможет. Чего плакать? Живы остались, вот только нету бабки моей, подруги моей любезной.

Дедушка запечалился, замолчал, потом продолжил:

– Вот и хлебушка, слава тебе Господи, дали. Начальство тоже, поди, не отдыхает. Подумать только: и хлеб, и муку на всех доставили, еще что-то обещают. С голоду не дадут помереть!

Через несколько дней соорудили дедушка с Любавой над подвалом что-то вроде маленькой комнатки, зато с печкой. Соседи приходили, опыт перенимали. Дедушка и тут главным оказался. И многим пришлось тогда в таком же наспех сделанном жилье прожить еще не один месяц. Не могло государство обеспечить всех и сразу. Разгромлены заводы и фабрики, сельское хозяйство в упадке, люди жили по карточкам. И в этот тяжелый период появились в Белоруссии агитаторы из Карелии. Немало общего было у Белоруссии и Карело-Финской Советской Социалистической Республики, так в те годы называлась Карелия. Обе территории приграничные, не обижены природной красотой, и даже время оккупации совпадало – с лета 41-го года до лета 44-го. В болотистой Карелии, где финским войскам продвигаться было трудно, многие деревенские поселения остались целы, а вот городским не так повезло. Петрозаводск, к примеру, пострадал очень сильно от бомбежек, мало того, в городе было организовано семь концлагерей, не считая других, расположенных в Карелии.

После победы в Карелии, впрочем, как и во всей стране, рабочих рук не хватало. Мужики на войне полегли, домой пришло много раненых, поэтому женщинам и подросткам приходилось работать много, зато уже на себя. Вербовщики уверяли белорусов, что на Севере можно заработать больше, чем в их разгромленной республике, что в общем-то соответствовало действительности. Кроме всего, говорили они, переселенцев могут обеспечить жильем. А дальше видно будет – может, белорусы потом домой с заработком уедут и на своей земле дома новые поставят.

– А мы уж точно вернемся, – делилась планами с дочерью мама Любавы, воодушевленная обещани-

ями агитаторов. – Заработаем с тобой денег, приедем назад и построим у себя новый хороший дом. А то уж три года ютимся в избушке. Хорошо, отец хотя бы такую построил. Да и приодеться тебе надо, вон какая красавица выросла! За дедушкой сестра двоюродная присмотрит, я договорилась. Он ведь ей тоже как-никак родня.

Когда приехали в большой карельский поселок, выяснилось, что особых условий для проживания для приезжих здесь пока что не было. Но дома уцелели, не то что в Петрозаводске, где жилых зданий осталось немного. Любаву с мамой подселили к женщине, оставшейся без мужа и сына. Погибли оба. Было чем поделиться своими горестями белорусам и местным. Но производство восстанавливалось, шли лесозаготовки. На эту работу и обратно людей из поселка возили на грузовиках. Мама устроилась в разраставшееся лесное хозяйство, где трудилось много земляков и можно было действительно сделать какие-то накопления. Любаве, не достигшей совершеннолетия, разрешили по полдня работать на строившейся ферме.

– Не весь белорусский лес сожгли оккупанты, ведь и для себя берегли, – делилась пару лет спустя мама своими соображениями с Любавой. – Как вернемся, за стройматериалом дело не станет, еще чем-то власть советская поможет. За отца переживаю, полностью на попечении родни, болеть начал. Трудно ему с хозяйством, какое ни есть, а присмотреть надо. Ну и тебе уж семнадцать. Что скажешь?..

Обняв дочь, она с гордостью смотрела на нее. Повзрослела, с детства претерпела трудности. Уже нельзя без нее решать вопрос о возвращении домой. Появились у матери кое-какие сомнения на этот счет, но откладывать решение не стоило, потому что деньги с дочерью подкопили, можно было начать строительство на родине. К тому же старел не только отец, сама сдавать начала. А сомнения насчет дочери касались местного парня, бывшего фронтовика, по которому, как догадывалась мать, втихомолку вздыхала Любава.

– Смотри, доченька, – пыталась она настроить на свой лад Любаву, – остаешься здесь без матери, восемнадцать тебе только осенью исполнится. Молода еще, а надо соблюдать себя, надо честь по чести замуж выйти, чтобы я радовалась за тебя. Подумай как следует, может, соберешься домой? Или что-то важное держит тебя здесь? Вижу я все, но вдруг ошибаюсь?..

Смущаясь, Любава пообещала, что приедет в родные края попозже. Хочется на обновы заработать, ведь все это время не до нарядов было. Ни платья, ни туфель новых так и нет, на себе одни обноски, все копили на дом.

– И то правда, – вздохнула мать. – Только не все ты мне открыла.

– Ну, посмотри, – уклонилась от ответа Любава, – не все наши теперь спешат вернуться, многие остаются, потому что обзавелись друзьями, землю получили, а кто уже при семье и детях...

– Выросла ты, дочка, – снова вздохнула мать. – Все правильно говоришь, только есть еще причина, почему остаешься. Скажу, что думаю. Не тот человек этот баламут Алешка, чтобы верить ему. Если уж и оставаться, то лучше к Николаю приглядись...

Любава слушала мать вполуха, и про Алешку, и про Николая говорилось не впервой. Но что делать, если как раз «баламут» и завладел сердцем. Красивый, веселый, общительный... Даже на фронте ему везло, вернулся домой без единой царапины, а уж как гармонь возьмет... Что говорить! Не у одной Любавы сердце дрогнет. Куда не придет, везде гость желанный. Любава тихоней не слыла, но как-то сторонилась его. Не хотелось быть ей очередной Алешкиной девушкой на вечер-другой, хотя в душе разрасталось такое чувство, которое скрыть было трудно.

А что Алексей? Не в его характере было анализировать чьи-то поступки, однако недоумевал: почему пригожая Любава не очень-то благоволит ему? Гордая? Или показать хочет, что не мил, а на самом деле... Не может быть такого, чтоб не нравился он ей! А тут еще бабы и девки судачат – своих, мол, гармонист не очень-то празднует, хотя многие, ох, многие девки не отказали бы Алешке. Только смотри, гармонист, чужая не поглядит лишний раз в твою сторону. И что такого особенного нашли парни в приезжей Любаве? Колька, к примеру. Есть, конечно, у Любавы и статья, и все остальное в порядке, но не засмеется лишний раз, с танцев часенечко возьмет да и уйдет.

Надо сказать, не зря Любава стала предметом пересудов. Простить можно было местных девушек и женщин. Больше половины мужиков из поселка недосчитались после войны. А Любка сразу двоим приглянулась, Алешке и скромному работяге Николаю, тоже фронтовику. Что до него, так он и вправду не решался подойти к Любаве. Да и как ему, невысокому, не умеющему увлечь веселой беседой или песней, было противостоять Алешке? Но с другой стороны – он ведь тоже не последний человек в деревне: работает справно, у начальства в почете. Любая пошла бы за него. Николай знал об этом, ведь после войны каждый мужик на счету. Долго думал, а потом все-таки решился открыться Любаве. Тут и случай удобный подвернулся. Привезли новое кино, почти все село в клубе собралось. Алешка хотел подсесть к Любаве, но Николай опередил его. Кино в тот вечер закончилось поздно. Алешка demonstra-

тивно прошел мимо Любавы, а Николай предложил в провожатые себя. Пряные ароматы цветущей сирени наполняли белую ночь. Природа благоприветствовала признанию, но Николай не умел вести беседу тонкую, с недоговоренностью да томными взглядами. Долго молчал, а потом безо всякого предисловия приступил к главному:

– Любавушка, давай осенью свадьбу сыграем, никогда не обижу, вечно любить буду, – выпалил он и затих в замешательстве.

Любава ответила не сразу, боялась обидеть резким словом.

– Буду честной. Вряд ли у нас что-то получится, – вымолвила она. – Мама уехала, и я вскорости планирую вернуться домой. Там тоже неплохо дела идут. И родина моя часто снится. Особенно когда одна здесь осталась. Хоть и маленькой была, а до сих пор помню, как голубой волной колыхается в поле белорусский лен...

– Понятно, – сник Николай. – Про родину свою и голубой лен ты умеешь красиво сказать. Понимаю тебя, на войне лучшие годы прошли, так даже там очень скучал по Карелии. Но знаю о настоящей причине твоего отказа. Как говорится, настолько мил не будешь. Только помни, я всегда с тобой. – Заметив смущение на лице Любавы, добавил: – За меня не переживай. Свой дом все равно построю, вдруг ты передумаешь...

После неудачного признания Николай старался ничем не напоминать Любаве о своей неразделенной любви. Только Алексей, почувствовав что-то, никак успокоиться не мог. Ему тоже нравилась Любава, но уж не так, чтоб взять да и жениться. Хоть на ком. Успеется. Погулять еще надо. Но тут Колька возник. Ясное дело, не соперник он Алексею, но мало ли что? Вдруг возьмет да и пойдет за него? Как-то под настроение поделился с матерью своими сомнениями. Была она женщиной прямой, всегда без намеков скажет что думает.

– А вот и выйдет за Кольку, пока ты с девками валандаешься, – как отрезала она. – Уж ходят слухи, что Колька сильно запал на Любашку. Нашенских девок хватает, но посмотри на нее – и ростом, и статью вышла, детей здоровых нарожает, в доме хозяйкой будет. Сколько ведь они с матерью мыкались в войну-то, а гляди – не померла, здоровая. Хоть ты и не веришь в Господа, но напомню тебе – Любаша с матерью своей Бога чтят, вот и ведет она себя пристойно. А после войны-то, сам видишь, разболтался народишко. – Она покосилась на сына. – Мужички да парни выпивать все больше стали, а девки податливы не в меру... Забыла еще сказать, вроде как собирается она уехать к себе осенью. А ты опереди. И хоть мужиков мало, но Любка всяко в девках

не засидится. Пора, пора тебе остепениться, сколько можно с гармошкой по селу шататься...

Такого разворота Алексей не ожидал. Уехать, значит, хочет. Не думал, что и мать знает о ее планах, значит, правду говорят. Про голубой лен слышал от Любаши. Выходит, скучает... Есть девки хорошие, а без нее вроде как и поглядеть не на кого, разве что соседка... Так эта не денется никуда, молода еще. А он, выходит, так и будет, как неудачник Колька, по Любаше тосковать...

Не любил Алешка долго раздумывать, на следующий день сказал Любаше, что не может без нее и хочет пораньше свадьбу сыграть, чтоб не думала она ни о каком отъезде.

Любава даже на свадьбе при всем честном народе не могла скрыть своего счастья. А как прощались с гармонистом девчата! Будто век не увидят его больше. Приехавшая на свадьбу мама тоже грустила. Не получилось дочку с собой увезти, что ж, судьба, значит, такая ей выпала...

* * *

Через год родила Любава сына, а еще через два – дочку. Давно уж утихли нежные слова, заскучал Алешка. Мать поддерживала невестку, та везде успевала – и за детьми смотрела, и по хозяйству помогала, свекрови не перечила. Но Алексей при этом бурном развитии домашнего хозяйства и уюта в семье так и оставался первым парнем на селе. И гармонист, и балагур, и каждой умеет ласковое слово сказать, да и не только ласковое, другой раз девчата то краснеют, то бледнеют от его соленых шуточек. И стала с недавних пор мерещиться Алешке юная подросшая соседка. Огонь-девка, так и помчался бы за ней светлой северной ночью в поле, упал бы в пахучие травы да и утонул в ее темных глазах.

Однажды после посиделок в клубе так и сделал. Потом еще и еще, и стало ему дома все не мило. И работал плохо, и на мать кричал, а больше всего доставалось Любаве и подросшим детям. Выпил как-то крепко с мужиками, а дома упреки да слезы жены. Не сдержался и ударил ее. Думал, в плечо попал, оказалось, задел лицо. Ночь Любава мучилась от боли и обиды, а к утру под глазом образовался синий отек в пол-лица. Алексей все еще спал с похмелья. Прикрыв лицо платком, Любава вышла во двор, услышав стук в ворота. Вошел Николай, слухи о скандале в семействе Алексея еще с вечера облетели село.

– Уходи, – испугалась Любава. – Долго ли до несчастья. Уеду...

– Не уйду, пока не увижу Алешку, – ответил он решительно. В одной руке держал охотничье ружье. –

Вишь, как раскрасил тебя! Убью негодяя! И куда ты собралась с детьми? К матери да больному старику? Им самим помогать надо. Если не хочешь беды, забирай детей! Вместе уйдем!

– Хорошо, – вдруг неожиданно для себя согласилась Любава.

Что-то в одночасье оборвалось в ее душе, странное холодное спокойствие овладело ею. Неслышно двигаясь, написала записку свекрови, собрала детей и пришла в этот дом еще только раз – забрать оставшиеся вещи.

Село еще не проснулось, когда Николай привел Любаву в свой недостроенный, но уже отапливаемый дом.

– Располагайся, – сказал он. – Пойду к своим, не буду мешать. Я уж за ночь все передумал. Пока такие планы: вечера и выходные провожу здесь, дом достраивать надо, ночевать у родных буду. А сейчас на работу, потом к Алексею зайду. К тебе приду совсем, когда захочешь. Если не примешь, будем думать, как и где тебе с ребятами жить дальше. Надумаешь уехать – помогу.

Скромный и покладистый Николай казался неузнаваемым. Откуда взялась решительность, уверенность в правильности своих решений, принятых так поспешно, без раздумий? Да и фронтовик к тому же. Так рассуждала и удивлялась Любава, не всегда отдавая себе отчет в том, что на карту поставлено было глубокое чувство к ней. Как и следовало ожидать, в поселке появилась неиссякаемая тема для пересудов. Особенно касалось это женщин, как-никак обидно было за вдов и невест на выданье. Пока ждут они своего часа, Любашка все равно не в худшем положении. Не успели синяки сойти, как заступник тут как тут. Слухи и до Николая доходили, однако не до них было. Не стоило откладывать разговор с Алексеем, для которого происшедшее стало позором в глазах односельчан. К тому же в его планы совершенно не входило терять примерную жену и мать. Да и кто не дерется по пьяни-то? Другие бабы терпят, иной мужик и прощенья не будет просить, дело-то житейское, а вот его любящая супруга сразу бежать к другому? Нет, не собирается он сдаваться, пусть домой возвращается. Еще неизвестно, как примет он ее, побывавшую с чужим мужчиной в его же доме... Первый визит Николая едва ли не закончился рукопашной. Алешкина мать вынуждена была прибегнуть к помощи ненавистой соседки, все знали, отчего сыр-бор. И можно сказать, чудо свершилось. Угрозы и оскорбления мужчин при появлении соседки довольно быстро переросли в относительно мирные переговоры. Ушла оказалась деревенская красотка, сумела утешить, пожалеть, от греха отвести Алешку, хотя тот уже продумывал жестокие

планы мести. Благодаря лишь ей брак Любавы и Алексея был расторгнут без особого шума. Сильно переживала мать Алексея, привыкла к детям, растила их наравне с невесткой, уговаривала Любаву остаться в семье. Но та оказалась непреклонной, однако бывшую свекровь понимала, поэтому без сопротивления согласилась, чтобы дети не забывали родную бабушку. Долго еще не утихали в поселке споры о том, кто прав, а кто виноват. Время шло, недавние события переосмысливались, но даже в тяжелое время уборки урожая женщины во время коротких перерывов умудрялись поворочить недавнее прошлое:

– Все-таки жаль парня, – начинала обычно словоохотливая Татьяна, – оставила ребят без отца, я так простила бы, будь Алешка мой...

– Да Алешка твой и ребят своих редко видел! – возражал бригадир. – Вечно то в клубе, то с соседкой своей в лесу на прогулке. – Он ухмыльнулся, добавил мечтательно: – Я на его месте тоже, пожалуй, в лес побежал бы...

– Вот расскажем о твоих мечтаньях Нюрке твоей, так еще неизвестно, куда ты побежишь! – пригрозила одна из женщин.

– Да ладно вам, за работу! – беззлобно отзывался бригадир.

Был еще один момент, едва ли не главный для односельчан, вернее, для женской половины. То ли просто так живут Любава с Николаем, то ли они уже как муж и жена? Не зарегистрированные? И то сказать – ночует Николай у своих, а в собственном доме лишь гость, все молотком стучит. Из Любашки слова не вытянешь лишнего. Отмахивается от вопросов. И кто их обоих знает, может, это только одна видимость, будто нет у них ничего такого? Ведь не ушла к прежней хозяйке, где они с матерью жили сразу после приезда. Теперь та за детьми присматривает, а Любаша на работе в коровнике все молча да молча трудится, хорошо, коровы не спрашивают, как это – на виду жить с мужиком просто так? Одним словом, за житьем-бытьем Николая и Любавы народ наблюдал с особым интересом, жаль, новости можно было узнать только от ребятишек, которые продолжали бегать к бабушке, хотя крутого отца сторонились. Алексей привечал их, когда оказывался днем дома, но так уж случилось, не уродился он добрым отцом и мужем.

Деликатный Николай не торопил события, дожидаясь, пока дети привыкнут к нему, а Любава перестанет чуждаться. Однажды, когда за окном уже по-осеннему быстро сгущались сумерки, она заговорила о том, что неладно как-то получается все в ее жизни. От людей не спрячешься, в селе у каждого жизнь на виду. Вот и надумала она окончательно уе-

хоть домой. Матери уже написала, а на днях и на работе с начальством переговорила.

В тот вечер Николай тянул с уходом. На дворе сыро, а в доме тепло. Еще в печи дрова не догорели, дети спят. Уютно и чисто в доме. Он уже оделся, но все медлил, как будто предчувствовал он, что скажет Любава о чем-то важном...

– Уеду я, Коля, – сказала Любава в конце трудного для себя признания. – Не суди меня строго.

Вот и настало время все дела разом решить, подумал Николай:

– Хорошо, что надумала наконец объясниться, но вот что скажи – вроде привыкла ты ко мне или уж так не мил? Решать нам свои дела пора пришла, тут ты права, но признайся: не можешь Алексея забыть?

– Сам подумай, как можно забыть прожитые годы? Так не бывает, – ответила Любава не без волнения. – Но вот любовь моя давняя ушла, прошла и обида, спокойно на душе стало, и все это ты, Коля, спасибо тебе.

– Не благодарности жду я от тебя, – возразил Николай. – Но что скажу о твоём решении. Собраться и уехать недолго. Помогу. Одного понять не могу. Говоришь, успокоилась, забыла прошлую жизнь, так почему не решаешься начать другую, со мной? Ведь привыкла за это время! Или не так?

Он скинул на лавку одежду, решительно обнял почти не сопротивлявшуюся Любаву, заглянул в ее потемневшие от волнения глаза:

– Ну так что? Может, сейчас и порешим? Зачем дальше ждать?

– Оставайся, – смущенно произнесла Любава.

* * *

Спустя несколько дней они расписались, о чем и доложили любопытным сельчанам. Событие отметили скромно, с немногочисленной родней Николая. И то не все пришли поздравить его, хотелось видеть другую женщину рядом с Николаем. Но опять же пусть эта, чем совсем без семьи останется. Все к тому и шло, если б не она – так бобылем и остался бы.

А у Николая словно крылья выросли. К следующей осени и дом построен был, и участок в порядок приведен. С таким же энтузиазмом принялась за устройство крепкого домашнего хозяйства Любава. Это была уже ее земля, это ее муж старался для нее и подрастающих детей. Вместе с ними ходила она в лес за грибами и ягодами, приучала их к домашнему труду. Общими усилиями возделывали землю. На удивление сельчан родились на заботливо возделанной почве овощи, картошка, непривычная в ту пору для северян зелень. Николай умудрялся еще

рыбачить, понемногу начали заводить домашних животных. Купили молодую телочку, и вскоре в доме запахло парным молоком, своими творогом и сметаной. Хозяйство разрасталось, требовало немалых сил и ухода. Теперь родня Николая не чуралась Любавы, и то сказать, на пироги к ней приходили и они, и соседи. До сей поры вспоминали и войну, и голодную жизнь после нее, за рюмкой вспоминали погибших. Свежи еще были воспоминания, а пересуды давно затихли, наоборот, семья Николая стала вроде как образцом для подражания. Соседи присматривались, как ведут хозяйство Николай и Любава, как выращивают богатый урожай. Удивляли народ даже упитанные собака и кот, которых притащили как-то домой дети. Особо не принято было заботиться о таких животных, да и Николай не был чрезмерно жалостливым и приказал ребятам оставить бездомных худосочных животных на улице.

– Что ты придумал, смотри, какие несчастные, – решила Любава, – лучше будку сделай Жучке, а котика приведу в порядок, будет мышей ловить.

Через пару месяцев Жучка превратилась в упитанную и злую сторожевую собаку, а в углах дома по ночам перестали скрести мышата.

Раз в году, осенью, когда заканчивались работы на земле, Любава с детьми навещала мать. Если поездка планировалась к Рождеству, к ним присоединялся Николай. Острая тоска по родной Беларуси постепенно утихла, уступив место чувству радости от свидания с близкими. Да, на родине теплее было, отчего и урожая обильнее, и голубой лен, как и прежде, освещал нежным своим светом белорусское безбрежное поле... Но там, на севере, обозначилась теперь вторая у Любавы родина, там любящий и немногословный супруг сделал жизнь ее счастливой, там оттаяло сердце и забылись незаслуженные обиды.

Однако не бывает полного счастья даже в самых благополучных с виду семьях. Так время от времени тосковали Николай с Любавой от того, что не было у них общего наследника или наследницы, хотя уж шестой год, как они жили вместе. К врачу Любава не обращалась, да как-то и не принято и стыдно спрашивать о таких вещах у чужого человека. И о чем спрашивать? Молодая, здоровая, рожала легко, о чем говорить. Да и Николай на здоровье не жаловался, значит, Бог не дает, значит, так надо. Но свершилась и эта мечта. Даже не верилось долго, хранили в секрете, пока не пришло время уходить Любаве в декрет. И появился на свет долгожданный Василек. Оба родителя сошлись на красивом имени, популярном и в России, и в Белоруссии – Василий, Василь. Вроде бы с опозданием родила его Любава, но мальчишка рос здоровеньким, смышленным. Все

лучшее взял от родителей. Светлый, с голубыми, как у матери, глазами, ростом вышел. Как отец, выносливый, трудолюбивый, немногословный. После школы окончил курсы механизаторов и остался работать до призыва в армию в колхозе, а уж потом, после службы, будет решать, куда пойдет учиться или работать дальше.

Весной 80-го исполнилось Василию 18 лет, а вскоре пришла повестка. Выяснилось, что проходить военную службу Василь и его друг будут в Афганистане. В то время по радио и телевизору много говорили о вводе советских войск в эту далекую страну. У большинства так называемых «простых людей» знания об Афганистане были весьма поверхностными, все-таки страна незнакомая со своими многовековыми обычаями и традицией. В тот период истории во власть в Афганистане сумели прийти люди, решившие защищать интересы народа. Государство стало называться Демократической республикой Афганистан и заключило договор с СССР о дружбе и взаимопомощи. Однако существовали другие силы, враждебные Советскому Союзу и ставшему демократическим Афганистану – США и остальные страны НАТО. Им нашлась поддержка и внутри страны со стороны моджахедов, называвших себя «борцами за свободу». На самом деле это были боевики различных исламских группировок. Они-то и установили режим репрессий. Многим новобранцам из СССР суждено было служить именно в этой стране, охваченной внутренними и внешними противоречиями. Было отчего тревожиться уходящим в армию ребятам, их родителям и близким. Василь и друга провожали, как и положено, всем селом, многие женщины плакали. Уходил он в бодром настроении, за несколько дней до прощания посадил за калиткой кедр. «Не жилец твой кедр в нашем сыром климате», – уверяли соседи. «А я знаю, что жить будет, – спорил Василий. – К моему возвращению окрепнет, и посмотрите тогда, что за дерево у меня растет!»

Ушли ребята, и теперь в селе с особым вниманием и спорами стали следить за развитием событий в далекой стране. Проводили двоих, потом еще несколько человек призвали в армию. Но им повезло, остались служить у себя на родине. Теперь на широкой скамье у дома Николая нередко присаживались после работы мужчины, обсуждавшие свои, деревенские, проблемы и сводки из Афганистана с мудреными названиями населенных пунктов, дорог, городов.

– Вот скажи, Коля, – обращался к хозяину кто-нибудь из собравшихся, – ты у нас политически грамотный, коммунист все-таки, войну прошел, – зачем нам этот Афганистан сдался? Что нам там делать? А

главное, зачем ребят необученных туда посылать?

– А вот и скажу, – нервничал Николай, ожидавший вопросов о сыне. – А зачем туда лезть американцам? Ведь мы с Афганистаном граничим, вот в чем дело-то. Ну а если враги наши добьются своего, сразу свои военные базы там и организуют! Да еще наркотой торговать в открытую начнут. Не так, чтоб потихоньку, а со всей своей капиталистической хваткой. Это ведь какие деньги! Возле нас, считай, происходить все будет. Вот наши парни и воюют там! Защищают в первую очередь наши границы!

– Да при чем тут наркоторговцы? Не видали мы их у себя, что ли? – возразил в день того спора один из «идейных противников» Николая. – Сильно грамотный ты, Колька, стал! Помнишь, как бабы возле военкомата голосили? И теперь плачут. Это тебе не жениха кто знает куда отправить, а сыночка!

– Ну, видел, сами Ваську проводили, – помрачнел Николай, когда речь зашла о сыне, продолжал уже не с тем азартом. – Что тут говорить, страна у нас большая, богатая, вот и хотят у нас все забрать, потому как рабов у них после нашей победы в войне все меньше, бывшие колонии становятся самостоятельными. А нам, стало быть, все равно защищать свои границы надо. Все ведь помним – финны вроде как и неплохими соседями были, а как война началась? Куда вся дружба подевалась?

– Это они за Зимнюю войну рассчитывались, – присоединился к спорщикам еще один голос.

– Так надо было им еще до сорок первого соглашаться на просьбу нашу поменять землю возле Ленинграда на другую территорию!

– А они не хотели! – возразил вновь прибывший.

– Не хотели, говоришь? А свободу от Ленина получили еще в восемнадцатом! Были они у нас в подчинении, а стали свободным государством! – Николай закурил. – А после нас же и отблагодарили, еще в Первую мировую...

– Вот именно! Ошибся твой вождь, – съязвил ближайший сосед. – Не надо никому ничего раздавать. Как по мне, так пускай остальные народы сами за свою свободу борются.

– Несознательный ты, – начал было Николай, но тут у калитки показалась Любава.

– Хватит споров, – миролюбиво обратилась она к мужикам. – Меньше говоришь – целее будешь. Ступайте по домам, отдохните. Нет ли каких вестей? – спросила она у соседа, сын которого служил вместе с Василем. Тот отрицательно покачал головой.

– Придут скоро письма, – успокоил обоих Николай. – Наши парни здоровые, к труду приучены, не успеем оглянуться, как домой придут!

Но втайне Николай понимал, что служба у Василька оказалась нелегкой, потруднее, чем у тех,

кто отбывал ее у себя дома. Прочитал теперь Николай про Афганистан кое-что, представлял этот негостеприимный совсем чужой край, покрытый скалистыми горами да опасными тропами. Но и Василий тоже представлял, как волнуются родители, поэтому присылал хорошие письма и фотографии. Вот он – повзрослевший молодой мужчина в тельняшке. Уверенно смотрит вперед из открытого люка танка. А на самом-то деле только и мечтал этот brave солдат о доме. Скорее бы увидеть родных и еще девушку, которую так и не поцеловал на прощанье. При всех стеснялся, а до разлуки не успел, не выдался такой случай.

Прошел год, и представители военкомата вручили Николаю документ, где было сказано, что сын его погиб, спасая товарища. Посмертно Василий награжден был орденом Красной Звезды – «За личную храбрость и мужество».

Вскоре пришел оцинкованный гроб с телом Василька. Такие грузы открывать не рекомендовалось, потому что погибшие преодолевали обычно слишком длинный путь домой. Но известно было, что внутри цинкового ящика есть и деревянный гроб, в котором покоится солдат или офицер. Любаве не довелось в последний раз увидеть лицо сына, прикоснуться к его холодной руке. Только неотрывно смотрела она на знакомую фотографию Василька, которую он прислала в последнем письме. Фото увеличили, получился настоящий портрет воина, который с оружием в руках пристально смотрит вперед из люка танка. Как возмужал он во время службы! Почему нельзя дотронуться до него, пригладить в последний раз его светлые волосы? Этого она никак не могла взять в толк и только спрашивала Николая, закрыты ли глаза у Василька. Она не совсем понимала, что происходит, а когда подошла к гробу, то наступила для нее странная тишина. Потом откуда-то возникла ласковая молоденькая медсестра, рядом с нею стоял Николай. Лицо мужа показалось чужим, потемневшим. Потом снова забытье до самих поминок. Старшие дети подготовили стол, им помогала внучка. Потом Любава долго болела, лежала в районной больнице и вышла оттуда другим человеком – постаревшим, нездоровым. Вернуться к жизни помогал Николай, не менее тяжело переживавший потерю сына. Но ему надо было жить дальше, иначе не стало бы на свете Любавы. Прошло еще время, и Любава получила первый том из двух – «Книги памяти о советских воинах, погибших в Афганистане». Всего в книге было 719 страниц, и на одной из них – краткие сведения о сыне и фото Василия, ефрейтора, старшего механика, водителя БМД,

то есть боевой машины десанта. На фотографии Василек навсегда остался молодым, крепким, красивым. А возле дома в память о нем разрастался посаженный сыном кедр.

Любаве, так и не оправившейся в полной мере после гибели Василька, надо было как-то доживать свой век, грех до срока прерывать жизнь верующему человеку. Без поддержки старших детей и Николая вряд ли выжила бы. У дочери давно родилась вторая девочка, а сын женился поздно, уже под сорок лет, долгожданного ребенка назвал Ванюшкой. Тут и новые испытания пришли, назывались они перестройкой. Колхоз разорили, зарплату не платили совсем, ни техники, ни хозяйства уже не было. Куда подевалась техника эта вместе с бывшим начальством, никто не знал. Дочь с семьей подалась в город, где можно было хотя бы какую-то работу найти, сын, проживавший вместе с родителями, остался в поселке. Он понимал, что крепкое хозяйство, которое взрастил уже немолодой теперь отец, без старшего сына пропадет, как и колхоз, созданный когда-то трудами крестьян. Огород, как и прежде, выручал, лес давал все те же грибы и ягоды, умудрялись содержать кое-какую живность, изредка рыба появлялась. Мясо, понятно, редкостью считалось, но и без него обходились. Это лишь городские люди считали, что на земле легче трудности переносить. Попробовали бы они в лихие года прожить без денег в деревне! Простой пример – чем заплатить за транспорт, чтобы до города доехать за лекарствами? На что купить самое необходимое, резиновые сапоги, к примеру? А учебники для ребенка, кой-какую одежду в школу ходить?

Ванюшка, внук Любавы и Николая от старшего сына, не только унаследовал какие-то черты лица Василька, но и характером был на него похож, трудолюбивый, усидчивый. Когда подрос, поместил в красивую рамку фотографию Василия и повесил над своей кроватью. К тому времени Ваня хорошо помогал взрослым. И за оставшимися овцами приглядит, и за птицей домашней, и собаку накормить не забудет. Однажды он сказал деду, что дальше хочет учиться не в школе, а в городе, в кадетском корпусе, так они с товарищем решили, отец с мамой поддержали. Ваня попросил деда сказать об этом решении бабушке, сам боялся расстроить ее. Любава растерялась, и пока Николай успокаивал ее, к разговору подключился вернувшийся с огорода сын.

– Пускай идет, – сказал он. – Разве плохо: настоящим мужиком вырастет, может быть, военным станет. Я ведь уже и сам все узнал, когда в городе последний раз был. А хозяйство деревенское не денется от него никуда. Не отвыкнет от земли сын, потому

что вырос на ней. Пока учится, приезжать к нам на каникулы будет, а после жизнь покажет.

Вот уже редкими гостями в справном дедовском доме стали подростки внуки. Что же делать? Детям тоже думать о будущем надо. Да и жизнь к тому времени налаживаться стала, но уже другая жизнь. Если дочь сразу после отъезда из разоренного перестройкой села подумывала о возвращении домой, то теперь изменила решение, повзрослевшие дети не хотели уезжать из города. Любава с Николаем частенько приезжали к ним в гости. Приезжали еще и потому, что в новые времена постепенно исчезали из поселков медицинские работники, другой раз за простым лекарством или на прием к врачу приходилось ездить в город. Однако навсегда покинуть село им все равно не хотелось. Причина еще заключалась и в том, что Любава никогда не отказывалась от приглашений посетить какое-либо мероприятие в поселке, связанное с воспоминаниями о местных героях-воинах. Не один Василь погиб тогда в далеком Афганистане. Рядом с его могилой вскоре после гибели Василька появилась и вторая, его товарища. Любава, как умела, рассказывала о сыне. Она приносила фотографии, Книгу памяти, знакомила ребят с их земляком. Рассказывала, какие песни он любил, и тогда учительница или кто-то из школьной администрации включал звук, и музыка объединяла присутствующих с ушедшими из жизни. Обычно звучали песни Высоцкого или Розенбаума. Влади-

мир Высоцкий на войне не воевал, но как проникновенны были его песни о тех далеких сороковых годах. Александр Розенбаум сам участвовал в погрузке цинковых гробов, и его песня «Черный тюльпан» облетела тогда всю страну. Если погода позволяла, ребята посещали кладбище и возлагали цветы к мемориалу, посвященному памяти Василя и его друга-афганца. Мемориал был создан благодаря администрации района, и теперь возле него проводили не только мероприятия, посвященные памятным датам. Сюда, к землякам, традиционно приходили молодожены в свой самый торжественный день. Как-то на одной из встреч в школе девочка прочитала стихи современного карельского поэта Георгия Чернобровкина. Последнее четверостишие запало в сердце Любавы:

*Все очень просто на земле:
И жизнь, и смерть, и чьи-то песни,
И белый голубь в вышине
С призывом радужным – «Воскресни...»*

Наталья Григорьевна КРАСАВЦЕВА

родилась в Петрозаводске.

Окончила Иркутский государственный университет

им. А. А. Жданова, профессия – журналист.

Член Союза писателей России с 2011 г.

Награждена почетными грамотами Республики Карелия,

Министерства культуры РК, Министерства культуры РФ,

памятной медалью «К 100-летию М.А. Шолохова» и др.

Изданы детские книги: «Старая лошадка», «Паккайне-Морозец»,

«Дедушка, Skype и OutlookExpress».

Книга «Паккайне-Морозец» по результатам конкурса

«Книга года Республики Карелия» в 2018 г. была удостоена диплома в номинации «Лучшая книга для детей и юношества».

Повесть «Испытание юностью» в 2023 г.

по итогам XIV Международного Славянского литературного форума

«Золотой витязь» получила Золотой диплом.

